

Марина
СЕРОВА

До потери
пульса

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

До потери пульса

«Научная книга»

2012

Серова М. С.

До потери пульса / М. С. Серова — «Научная книга»,
2012 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Над Домом быта нависло чье-то проклятие! – убеждены и сотрудники сферы обслуживания, и их испуганные клиенты. За последний месяц там произошло несколько несчастных случаев со смертельным исходом, и многие уверены, что по Дому быта спокойно разгуливает опасный злоумышленник. Но частный детектив Татьяна Иванова не верит в предполагаемого маньяка. Следы преступлений приводят к известной красавице и фотомодели Маше Кашинцевой. Недавно с девушкой произошла ужасная трагедия – она попала в серьезную авткатастрофу. Теперь у Маши изуродовано лицо и сломаны ноги. На карьере модели можно поставить жирный крест. У обиженной красавицы появилось множество поводов отомстить сотрудникам злополучного Дома быта, которые, по мнению бывшей модели, причастны к произошедшей с ней трагедии...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

До потери пульса

Глава 1

Одно дело, две клиентки, три трупа. А еще шесть этажей офисного здания по адресу: Обуховская улица, дом номер пять. И четыре недели, прошедшие со дня первой смерти. Цифры, цифры, цифры... Ими изобиловал перекрестный рассказ моих новых клиенток. Номера кабинетов, сумма месячной арендной платы, количество сотрудников, расценки на услуги, даты...

Итак, даты. Утром шестнадцатого марта секретарша турагентства «Пять континентов», придя на работу, обнаружила своего босса неподвижно сидящим в кресле. Спина ко входу. Несколько раз окликнув его и не получив ответа, она подошла ближе, заглянула ему в лицо и закричала от ужаса – Сергей Александрович, директор турфирмы, был мертв. Вскрытие показало, что Частоколов умер от сердечного приступа. Ему было всего тридцать два года...

Через шесть дней, двадцать второго марта, Анатолий Синичкин, старший лаборант «Бюро товарных экспертиз», неосмотрительно выпил водопроводной воды из мерного стакана и через несколько секунд рухнул замертво на пол. Патологоанатом констатировал, что смерть наступила от отравления сильнодействующим ядом. Позже выяснилось, что это вещество применяется в данной лаборатории для химанализов. Синичкин, проработавший в «Бюро товарных экспертиз» около семи лет, не мог не знать, что это вещество категорически нельзя принимать внутрь, так же, как и о том, что нежелательно что-либо пить или есть из лабораторной посуды...

Через два дня после его похорон в здании бывшего Дома бытовых услуг случилось очередное чрезвычайное происшествие с летальным исходом. Убило током двадцатитрехлетнего Макса Дерябкина. Он работал системным администратором в страховой компании «Полис-2000». Вряд ли этот молодой человек не понимал, что нельзя хвататься руками за оголенные провода, но тем не менее именно так он и поступил. Компетентная комиссия пришла к выводу, что этот несчастный случай был результатом злостного нарушения правил техники безопасности. На директора страховой компании в административном порядке был наложен штраф в размере десяти минимальных размеров оплаты труда. Уголовное дело по факту гибели Дерябкина не возбуждалось. Как и в двух первых случаях.

Я смотрела на женщин, забрасывавших меня наперебой этими фактами, цифрами, и пока что не понимала, чего они, собственно, хотят от меня. Да, в одном здании в течение одного календарного месяца умерло три человека. Но ведь трупы – не криминальные.

– Татьяна Александровна, вы думаете, на этом все закончилось? – после внушительной паузы осведомилась Ольга Корнилова, владелица швейного ателье «Ирис», расположенного на четвертом этаже того же здания.

Это была невысокая крупная женщина с коротко подстриженными волосами, окрашенными в каштановый цвет. Ярко-зеленое платье из тонкого трикотажа было ей к лицу, оно гармонировало с цветом ее глаз, но обилие всевозможных декоративных деталей утяжеляло ее пышные формы. Я невольно подумала, что Корнилова, наверное, уже давно свыклась со своей полнотой, поэтому не скрывала ее, а украшала, как могла. Вероятно, платье было сшито в «Ирисе» и казалось ее обладательнице шедевром портняжного искусства.

– Я пока что просто анализирую услышанное. А что было дальше, – я развела руками, – вам, наверное, лучше знать.

– Конечно, лучше, мы ведь каждый день ходим на работу и боимся, что однажды и с нами может произойти нечто подобное. – Наталья Петровна, хозяйка салона красоты «Пальмира», расположенного на цокольном этаже этого несчастливого дома, три раза постучала по деревянному подлокотнику кресла, в котором сидела.

Внешне Бережковская была полной противоположностью своей подруги. Высокая и худая, с длинными волнистыми волосами, окрашенными в тон недозрелого персика, она изо всех сил старалась выглядеть молодой и стройной. Вероятно, поэтому она и надела туфли на высоких каблуках, голубые джинсы с вышивкой и обтягивающую трикотажную блузку. Возможно, со спины ее можно было принять за мою ровесницу, но лицо Натальи выдавало ее реальный возраст. Обилие декоративной косметики ничуть не молодило эту даму, лишь придавало ей вульгарности, что для владелицы салона красоты было, по меньшей мере, странно.

Ольга Николаевна, взглянув на свою подругу, тоже три раза постучала по дереву и пояснила:

– Это чтобы не сглазить. На нас ведь тоже покушались!

Похоже, у дамочек сформировалась устойчивая паранойя. Им бы к психиатру или хотя бы к психоаналитику заглянуть, а не к частному детективу.

– Почему «тоже»? – осведомилась я. – Насколько я поняла из вашего рассказа, никакого криминала не было. Директор турфирмы скончался от инфаркта, а двое других мужчин пренебрегли правилами элементарной техники безопасности. К сожалению, подобное нередко случается.

– Это официальные версии, – заметила Корнилова и со значением посмотрела на свою подругу. – Но мы с Наташей не сомневаемся, что это были самые настоящие убийства, коварные и хорошо спланированные!

– Да, потому что мы с Олей, – Бережковская кивнула на свою подругу, – едва не стали третьей и четвертой жертвами.

– Правда? С этого и надо было начинать! – Я даже немного прикрикнула на дамочек, закрутивших эту интригу.

– Ну, мы хотели вам все по порядку рассказать. Да, Наташа?

– Да, Оля, – подтвердила та. – Мы думали, что надо соблюсти хронологию событий. Итак, тридцатого марта...

– Погоди, лучше я сама об этом расскажу, – Корнилова неделикатно перебила Бережковскую, – поскольку это напрямую касается именно меня. Так вот, тридцатого числа, как обычно, в половине седьмого, я покинула ателье, поставила дверь на сигнализацию и вошла в лифт. Кроме меня, в лифте никого не было. Примерно на середине пути – это между третьим и вторым этажами – кабинка внезапно дернулась и остановилась. Я стала нажимать на кнопку, чтобы связаться с дежурным, но безрезультатно. Его то ли на месте не оказалось, то ли кнопка не работала, я не поняла. Не до того мне было – кабинку начало заволакивать удушливым дымом. Я закричала, застучала в стенку лифта, словом, начала звать на помощь. Но меня никто не слышал. Тогда я использовала последнюю возможность – на ощупь достала из сумки мобильник и позвонила Наташе. Хорошо, что ее номер на моем телефоне одной кнопкой набирается, я ее наугад нажала и не промахнулась.

– Дальше, уж позволь, дорогая, я сама расскажу, что и как происходило, – не смогла умолчать Бережковская. – Как только Ольга позвонила и прокричала мне в ухо, что она застряла в задымленном лифте, я сразу же подняла на уши весь свой персонал. Тоню-маникюршу я отправила в лифтерскую. Славу-парикмахера – в подвал, в шахту лифта. Катерине с рецепции я велела позвонить в пожарную охрану, а сама бросилась по лестнице на третий этаж, схватила где-то по пути огнетушитель, но он мне не понадобился. Очаг возгорания был в шахте, но к тому моменту, когда Слава туда спустился, открытого огня уже не было.

– А дым, согласно законам физики, поднялся вверх, заполнив по пути кабинку, в которой я и находилась, – пояснила Корнилова.

– Так, а в чем же была причина остановки лифта? – уточнила я.

– Непонятно! Моя Тоня нашла дежурного. Он сидел в своей каморке, пил чай и понятия не имел о том, что в лифте застрял человек, то есть Ольга. Аппаратура, по которой он отслеживает работу лифтов, по каким-то непонятным причинам не работала...

– Что значит – по непонятным причинам? Наташа, ты что такое говоришь! – возмутилась Корнилова. – По-моему, мы с тобой единодушно пришли к выводу, что кто-то сознательно остановил лифт и вывел аппаратуру из строя, чтобы я задохнулась в дыму.

– Да, похоже, все так и было, – согласилась Бережковская. – Но ведь имя этого человека нам неизвестно. Возможно, их даже несколько, и они каждый день с нами мило здороваются, а мы даже не подозреваем, насколько эти люди лицемерны, а главное – опасны! Знаете, Татьяна Александровна, вообще-то подстроить покушение на Олю было проще простого...

– Вот те раз! – всплеснула рукой Корнилова.

– Оля, не возражай! – осадила ее Наталья Петровна. – Ты каждый будний день уходишь из своего ателье в одно и то же время – в половине седьмого. И в этот час, кроме тебя, на четвертом этаже, да и выше, уже практически никого не бывает. Так что план покушения на тебя был практически идеальным.

– Наверное, и если бы ты не проявила такую оперативность, то я, скорее всего, задохнулась бы, – согласилась Ольга со своей подругой и обратилась ко мне: – Знаете, Татьяна Александровна, Наташа – такая молодчина!

– Я это уже поняла. Реакция у нее молниеносная.

– Ой, да я ничего особенного не сделала! – поскромничала Бережковская. – Хорошо, что Оля не растерялась и позвонила мне. А дальше уж было дело техники. Лифтер – по моему настоящему требованию – запустил лифт аварийно, он доехал до третьего этажа, и двери благополучно открылись. Когда прибыла бригада эмчезсников, которую вызвала моя Катерина, им практически уже нечего было у нас делать.

– Ольга Николаевна, как вы предполагаете, кто может быть заинтересован в вашем физическом устранении? – спросила я, наконец-то проникнувшись драматизмом ситуации.

Та развела руками:

– В том-то и дело, что нет у меня предположений! Я не собираюсь утверждать, что я вся такая идеальная, что меня все без исключения любят. Это было бы неправдой. Со своими подчиненными я строга, но справедлива, поэтому вряд ли кто-то затаил на меня смертельную обиду. Думаю, этого негодяя надо искать где-то за пределами моего ателье, где-нибудь на других этажах...

– А какова по официальной версии причина произошедшего? – поинтересовалась я.

– Ребята из МЧС обнаружили в шахте истлевшую дымовую шашку. Так что это точно был не несчастный случай, а чей-то злой умысел. Возможно, если бы я серьезно пострадала, возбудили бы уголовное дело, но мне даже медицинская помощь не понадобилась. Я промыла глаза, подышала свежим воздухом и пришла в норму. Никому, кроме нас с Наташей, и не пришло в голову связать этот случай с предыдущими, закончившимися гибелью людей.

– Да, все происшествия рассматривались отдельно соответствующими службами, – вновь взяла слово Бережковская. – Насколько мне известно, пожарный инспектор вынес какое-то предписание арендодателям, чтобы они усилили контроль за соблюдением правил пожарной безопасности в здании. А вот лифтера даже не уволили. Оля, вот зря ты не настояла на этом!

– Наташа, ну сколько раз тебе повторять, что лифтер ни в чем не виноват! Кто-то просто воспользовался тем обстоятельством, что он вышел на несколько минут в туалет. Жаденов имеет на это право, он живой человек все-таки, а не робот. Мне бы очень не хотелось делать

из него крайнего. Тем более что, когда умерли Дерябкин и Синичкин, у него были выходные. Мы это проверяли. Кстати, пятого апреля Жаденов тоже не работал.

– А что случилось в тот день? – уточнила я.

– Пятого апреля кто-то покушался на мою жизнь, – Наталья Петровна сделала страдальческое лицо. – Оля, ну что ты на меня так смотришь? Разве это не правда?

– Наташа, все так, ты тоже едва не стала жертвой какого-то злоумышленника, – подтвердила Корнилова, – но ведь не факт, что он именно против тебя все это подстроил? Ты просто оказалась там первой.

У меня создалось такое впечатление, что дамочки еще не наговорились обо всем этом друг с другом, а о том, что я «разбавила» их компанию, при том, что они сидели в моей квартире, они временами просто забывали.

– Что именно подстроил злоумышленник? – осведомилась я.

– Он разлил в коридоре первого этажа масло, и Наташа поскользнулась и упала.

– Да, и я испортила костюм, который только два раза надела. А ведь он обошелся мне почти в семь тысяч!

– Правда? А раньше ты говорила, что он стоит четыре, – Корнилова подловила подругу на лжи.

– Оля, ты что-то путаешь, – сказала та, покраснев. – В конце концов, не в костюме дело. А все было так: пятого апреля я пришла утром на работу. Часов в десять я вспомнила, что дочка попросила меня напечатать фотографии, и пошла в фотостудию, расположенную по соседству с моим салоном. Конечно, туда можно было пройти и через улицу. Но в тот день лил дождь, поэтому я отправилась в «Фотосферу» в обход, через служебные помещения. В коридоре я наступила на это самое пятно и, как Оля уже сказала, поскользнулась. Хорошо, что я умею группироваться при падении – в детстве занималась фигурным катанием. Иначе я заполучила бы серьезную травму. Понимаете, в том месте коридор узкий, пол покрыт плиткой, на которой пятно просто выглядело следом от чего-то влажного, от воды, оставшейся после мытья пола. С виду-то и не подумаешь, что оно масляное. Вот откуда оно могло там взяться?

– Ну, может, просто кто-то случайно что-то пролил, – предположила я.

– Татьяна Александровна, неужели вы не понимаете, что столько случайностей в одном здании просто не могло произойти? Все это кем-то специально было подстроено! Более того, я почти уверена, – Бережковская посмотрела на свою подругу и поправилась: – Мы с Олей практически уверены, что это – не последнее происшествие в нашем Доме бытовых услуг. Да, в этом здании всем угрожает смертельная опасность: и тем, кто там работает, и посетителям!

– Именно так, – подтвердила Корнилова.

– Ой! – вскрикнула Бережковская и тут же прикрыла рот рукой.

– Почему ты ойкаешь? – спросила Ольга Николаевна.

– До меня только сейчас кое-что дошло. Я удивляюсь, как это мы еще сразу с тобой не сообразили... Столько говорили об этом, размышляли – и не увидели очевидного!

– Что ты имеешь в виду? – начала допытываться окончательно растерявшаяся, запутавшаяся в собственных догадках владелица швейного ателье, но Наталья Петровна отнюдь не спешила делиться с нами внезапно озарившим ее открытием.

– Да-да, мне тоже хотелось бы знать, что вы имели в виду, – присоединилась я к Ольге Николаевне.

– Я вдруг поняла, что в нашем здании действует маньяк! Ему абсолютно все равно, кого и в какой последовательности отправить на тот свет, ему важен сам факт. Оля, напрасно мы пытались с тобой найти во всем этом какую-то логику, угадать время и место следующего покушения. Это все была пустая трата времени! Просчитать возможные действия психически нездорового человека – это нереально. Следующей жертвой может стать как владелец какой-

нибудь фирмы, так и простая уборщица, как мужчина, так и женщина. – Бережковская поправила прическу. – Красивая или нет – тоже неважно.

– Откровенно говоря, я тоже подумывала о том, что в нашем здании орудует маньяк, – призналась Корнилова, – просто постеснялась озвучить эту версию. А что вы, Татьяна Александровна, все-таки обо всем этом думаете?

– Возможно, вы правы насчет маньяка, – согласилась я. – Слишком уж много ЧП произошло в одном здании за такой короткий срок. Хотя не исключено, что между директором турагентства, лаборантом «Бюро товарных экспертиз», компьютерщиком из страховой компании и вами, Ольга Николаевна и Наталья Петровна, есть какая-то связь, помимо территориально-производственной.

– Ну какая между нами может быть связь! Лично я вообще и не знала о существовании Макса Дерябкина, пока он не умер, – сказала Корнилова. – Нет, в лицо-то я, конечно, его знала, видела, но кто он такой, из какой именно фирмы и как его зовут – такой информацией я не располагала.

– А я не только про этого программиста ничего не знала, но и даже про лаборанта Синичкина! С Частоколовым, не скрою, мы были знакомы. Я не раз пользовалась услугами турагентства, которым он руководил. Так что нельзя сказать, что нас всех что-то объединяло. Все-таки у нас завелся маньяк, – упорно настаивала на своем Бережковская.

– Татьяна Александровна, поймите нас – мы больше не можем выносить этот психологический груз! Ходим на работу, как на минное поле! Вы поможете нам вычислить этого злоумышленника и изолировать его от общества? Мы... пытались, но у нас ничего не получилось...

Меня все никак не оставляло ощущение, что обе бизнес-леди, несмотря на свой уже вполне солидный возраст (каждой было уже около пятидесяти), играют в «шпионов» и хотят меня вовлечь в эту игру.

– Дамы, а вы в курсе, сколько стоят мои услуги? – поинтересовалась я.

– Конечно, одна моя знакомая была вашей клиенткой. Она мне все рассказала: и про ваши тарифы, и о том, что вам под силу расследование самых запутанных преступлений, – польстила мне Бережковская.

– В общем, мы с Наташей согласны потратиться, лишь бы весь этот кошмар поскорее закончился! Знаете, смерть один раз уже подобралась ко мне очень близко, и я больше не хочу с ней встречаться. По крайней мере, в ближайшие тридцат-сорок лет! Мне еще внуков хочется понянчить. Но каждый день, идя на работу, я думаю – как бы снова не угодить в какую-то ловушку? А у моих сотрудниц даже производительность труда упала. Вместо того чтобы делом заниматься, они строят разные версии, по большому счету, бредовые.

– Да и мой персонал тоже обсуждает события последнего месяца. Я даже маникюршу едва не уволила за то, что она клиентке об этой череде внезапных смертей в таких красках рассказывала! Ну вот кто к нам будет ходить, если в здании такое творится?! – Наталья Петровна закатила глаза к потолку. – Жуть!

– Ну что ж, похоже, ситуация действительно угрожает не только вашим жизням, но и бизнесу. Я берусь все это расследовать, вычислить, что же происходит в Доме быта на Обуховской, пять. – Немного подумав, я спросила: – Скажите, а что там у вас с охраной?

– Да какая там охрана, – отмахнулась Корнилова. – Любой человек с улицы может беспрепятственно войти в здание! Все фирмы, расположенные там, так или иначе связаны с обслуживанием населения. Если посадить на каждом этаже охранников в камуфляже, вооруженных пистолетами или дубинками, то люди просто перестанут к нам ходить. Это будет на них морально давить.

– Ну зачем же сажать охранников в камуфляже, да еще и с дубинками? Можно поставить камеры видеослежения.

– Были у нас камеры, но потом их отключили, потому что охранное агентство непомерно повысило цену за их обслуживание, – сказала Бережковская. – Не все фирмы смогли это потянуть.

– Да, сначала мелкие арендаторы отказались от этой услуги, а потом и все остальные, в том числе и я, – призналась Ольга Николаевна. – Дело было даже не в минимизации расходов. Знаете, две мои клиентки, причем независимо друг от друга, прочитали извещения – они в рамочках, на стенах висели – о том, что в здании ведется скрытое наблюдение, и выразили опасение, что их заснимут в процессе примерки одежды или переодевания, а потом выложат их фотографии или даже видео в Интернете. Это, конечно, были совершенно нелепые предположения, но законы бизнеса таковы, что к пожеланиям и капризам клиентов надо прислушиваться. В итоге я решила ограничиться пультовой охраной. На ночь ателье закрывается и ставится на сигнализацию.

– Так же, как и мой салон красоты, – заметила Наталья Петровна. – Только все эти происшествия белым днем случились...

– Нет, не все! Наташа, ты забыла про Частоколова.

– Не забыла. Просто никто так толком и не знает, в котором часу умер Сергей. После семи вечера он остался в своем турагентстве один. К нему мог кто-нибудь зайти и до смерти его напугать...

– Знаете, я уйду в половине седьмого, но народу в здании остается еще много. В модельном агентстве работа кипит, в шейпинг-студии проходят вечерние занятия. Но вход в здание после двадцати ноль-ноль закрыт. Ночной сторож всех выпускает и никого не впускает, – сказала Корнилова и вдруг усомнилась в справедливости собственных слов: – Во всяком случае, он должен так делать, по инструкции.

– Вот именно – должен, – хмыкнула Бережковская. – Я сама несколько раз видела, особенно летом, что и в десять вечера двери центрального входа распахнуты настежь, а сторожа поблизости нет.

– Ну что ж, дамы, в принципе я поняла, что порядка в вашем здании мало. У каждой фирмы-арендатора – свой профиль и свой режим работы. Не чувствуется никакой централизации! Похоже, арендодателю абсолютно все равно, что там происходит, лишь бы арендная плата вовремя поступала.

– Татьяна Александровна, вы абсолютно правы, – кивнула Ольга Николаевна. – В советское время у Дома быта было единое руководство, и во всем был порядок. Я восемь лет проработала закройщицей в ателье женского платья, поэтому знаю об этом не понаслышке. В девяностые годы Дом бытовых услуг был приватизирован. Контрольный пакет акций, разумеется, достался руководству – директору и двум его заместителям. К тому времени здание, построенное еще в середине семидесятых, уже требовало капитального ремонта, но новые владельцы его не потянули. Они пошли по самому легкому пути – стали сдавать отдельные помещения в аренду. Каждый арендатор по-своему «облагораживал» свой офис. Некоторые только дыры латали – штукатурка на голову не валится, и все нормально. А другие не жалели денег на евро-ремонт, но поначалу таких было очень мало.

– Да-да, к концу девяностых годов наш Дом быта совершенно перестал оправдывать свое название, – подтвердила Бережковская. – Там размещались и склады парфюмерии и моющих средств, и цех по производству хлебобулочных изделий, и даже гостиница!

– Не гостиница, а почти что бордель, – поправила подругу Ольга Николаевна. – Правда, это сомнительное заведение довольно-таки быстро закрыли. А потом как-то так случилось, что помещения стали арендовать в основном фирмы, занимающиеся обслуживанием населения. Это и неудивительно, ведь в сознании тарасовцев адрес – Обуховская, пять, – прочно ассоциируется с Домом бытовых услуг. В городе многие ателье закрывают, а у нас проблем с клиентами нет. Пока нет.

– А ко мне приходят делать прически и маникюр многие тарасовские знаменитости, – похвалилась Наталья Петровна. – Пока что еще приходят.

– Дамы, мне ваша мотивация понятна – вы не только опасаетесь за свою жизнь, но держитесь за раскрученное место. Что ж, я поработаю над задачей, которую вы передо мной поставили, – я начала подводить наш разговор к его логическому концу.

– С чего вы намерены начать? – поинтересовалась владелица швейного ателье «Ирис». – Каким будет ваш первый шаг?

– Да, меня тоже это интересует, – следом за подругой спросила и хозяйка салона красоты «Пальмира».

– С подписания контракта, – сказала я и положила перед своими клиентками по экземпляру типового договора.

Пока бизнес-леди читали и обсуждали вполголоса условия контракта, я думала о том, с чего бы мне действительно начать расследование. А почему бы не с совета гадальных двенадцатигранников? Я вышла из гостиной в кухню, прихватив с собой мешочек с косточками. Мысленно спросив о том, какую линию расследования мне следует выбрать, я бросила двенадцатигранники на стол и проанализировала числовые комбинации на их верхних гранях: «12+18+27». За этим сочетанием чисел стоял такой совет: «Не время вербовать сторонников; лучше упрочьте ваши собственные позиции». Упрочить позиции? Разве подписанный договор на оказание детективных услуг – это недостаточно сильная позиция? Да вообще никакая! Если я вздумая ходить по этажам и офисам, представляясь гражданам частным детективом, и начну задавать всем подряд свои вопросы, толку будет мало. Времени с момента первой смерти прошло достаточно много. Никаких улик уже наверняка не осталось, свидетелей, похоже, не было, иначе они бы уже давно проболтались. А злоумышленник, если я вдруг на него и наткнусь, просто прикинется трусливой овечкой. Тут нужен иной, более тонкий подход к делу. А что, если...

– Татьяна Александровна, вы где? – донеслось из гостиной. – Мы уже все подписали и готовы внести аванс.

– Здесь, я уже здесь, – сказала я, вернувшись к клиенткам, – и, поскольку контракт подписан, я готова озвучить вам свой план.

– Так. – Корнилова откинулась на спинку кресла и заинтересованно уставилась на меня.

– Ну же, говорите, мы очень внимательно вас слушаем. – Бережковская обмахнулась контрактом, как веером.

Я поделилась с нетерпеливыми дамами своими соображениями.

– Гениально! – воскликнула Наталья Петровна. – Вы хотите осмотреться и устроить ловушку, я правильно понимаю?

– Не совсем, хотя – в процессе работы – такой вариант вполне возможен. Но для начала мне придется весьма активно интересоваться тем, что же произошло в Доме быта. А вы, насколько я понимаю, не хотите афишировать, что наняли частного детектива?

– Вы все правильно понимаете, – подтвердила Ольга Николаевна. – Бытует мнение, что бизнес – это сочетание войны и спорта. К женщинам, занимающимся бизнесом, вообще отношение весьма настороженное. Если мы покажем кому-то свою слабость, это может негативно отразиться на нашей репутации. А посему мне ваш план очень нравится.

– Можно подумать, мне не нравится! Сразу видно, что вы – профессионалка. Только... только я даже не знаю, что вам предложить? У меня штат полностью укомплектован...

– Зато у меня буквально два дня назад открылась одна вакансия!

– Надеюсь, не швей-мотористки? – осведомилась я.

– Ну что вы, Татьяна Александровна, я бы не осмелилась предложить вам работу по этой специальности, тем более что она не позволила бы вам справиться с вашей основной задачей – сбором информации в рамках расследования.

– Ну, разумеется, ведь твои девчонки безвылазно сидят в цеху и строчат на машинках, – заметила Бережковская. – Оля, а чье же место ты тогда предлагаешь Татьяне Александровне? Марине вроде в декрет еще рано?

– В том-то и дело, что два дня назад она легла в больницу на сохранение беременности. Сама понимаешь, у нее уже возраст...

– А сколько ей?

– Тридцать пять.

– Надо же, – удивилась Бережковская, – а я думала, ей не больше тридцати. Молодец, хорошо выглядит!

– Да, неплохо. А вот со здоровьем у нее проблемы. До начала декретного отпуска она больше на работе не появится.

– А какую должность занимает Марина? – уточнила я.

– Мелихова числится менеджером по работе с персоналом, но, кроме кадровых вопросов, она занималась еще и всеми договорами. Я ей за это доплачивала полставки. Татьяна Александровна, а у вас какое образование?

– Юридическое, конечно же.

– Ну вот и замечательно! Я уверена, вы со всем справитесь, тем более что Марина Валерьевна подчистила за собой все «хвосты». Значит, так: сидеть вы будете в одном кабинете с главным бухгалтером. Думаю, с Еленой Федоровной Корзун вы поладите. Разумеется, официально, по документам, проводить мы вас не будем, но, поскольку кадры отныне станут вашей епархией, то никто об этом не узнает. Ну, что еще вам сказать?

– Каков график работы? – уточнила я.

– Самый обыкновенный: понедельник – пятница, с девяти утра до шести вечера. Обед – с часу до двух. Вас это устраивает?

– Да, вполне. Завтра к девяти я буду у вас.

– Может, лучше вам прийти чуть позже, где-то в десять, в начале одиннадцатого?

– Ну что вы, мне не надо никаких поблажек.

– Татьяна Александровна, обещаю, я буду вести себя с вами, как и со всеми остальными своими сотрудниками. Просто я сама завтра не появлюсь в ателье раньше десяти. А кто, если не я, «примет вас на работу», представит сотрудникам?

– Хорошо, я все поняла. К десяти так к десяти. Дресс-кода, надеюсь, у вас нет?

– Нет, – подтвердила Ольга Николаевна, – спецодежда предусмотрена только для швей.

– Тогда надо решить еще такой вопрос, – сказала я. – Меня могут спросить, откуда я узнала об этой вакансии. Что мне отвечать людям?

– Да, вы правы, нам с вами надо придерживаться одной линии. – Корнилова задумалась.

– У меня есть идея! – воскликнула Бережковская, и мы с Корниловой повернулись к ней. – Оля, а что если Татьяна Александровна будет моей племянницей? В твоём ателье все знают, что мы с тобой давно дружим, поэтому никого не удивит, что ты взяла на работу мою «родственницу».

– Ну, в принципе идея неплохая, – согласилась Ольга Николаевна и обернулась на меня: – А вы что об этом думаете?

– Хорошая идея, я к тому же смогу каждый день общаться со своей «тетей», не вызывая этим ни у кого никаких вопросов. Наталья Петровна, вы мне только скажите, я «дочь» вашего брата или сестры?

– Сестры, ее зовут Раисой, – уточнила Бережковская и принялась вдохновенно рассказывать сначала о своей родственнице, потом переметнулась на своих родителей, а в результате едва ли не полностью описала мне свое генеалогическое древо.

Гордиться там было особенно нечем – корни ее со всех сторон были крестьянскими. Вот откуда этот безвкусный макияж! А деньги на бизнес – от покойного мужа.

– Наташа, ну не грузи ты Татьяну Александровну такими подробностями, время уже позднее, а мне тоже надо еще кое-что сказать, причем по делу.

Корнилова начала рассказывать мне о специфике своего ателье.

– Понимаете, «Ирис» – предприятие многопрофильное. Мы разрабатываем и шьем модели для полных дам.

– Оля является не только владельцем и директором ателье, но и модельером, – вставила Бережковская.

– Да, но в последнее время у меня как-то совсем нет вдохновения, – устало вздохнула Корнилова. – Все эти происшествия совершенно выбили меня из творческой колеи.

– Думаешь, мне они пошли на пользу? – Наталья Петровна не могла не привлечь внимание к себе. – Я каждый день нахожу на своем лице новые морщинки!

– Я вас понимаю, – проявила я сочувствие к обеим клиенткам.

– Впрочем, мы обслуживаем женщин и со стандартными фигурами, – продолжила Корнилова. – Кроме того, мы шьем на заказ рабочую и спецодежду. Так что клиентура у нас есть, а вот производительность труда падает. Мои швеи только и думают о том, как бы следующее ЧП не коснулось их. Они ведь все-таки с техникой работают, а она является источником повышенной опасности.

– Брось, Оля, у меня в салоне не менее опасно, – возразила хозяйка «Пальмиры». – Фены ведь электрические, и от них тоже можно ждать беды.

– Я все поняла. Завтра приступаю к работе, – сказала я.

– Ну что ж, тогда мы пойдем. – Корнилова многозначительно посмотрела на Бережковскую: – Наташа, нам пора.

– Да, конечно. До завтра, племянница!

– Наташа, ну что ты как маленькая, – одернула ее подруга. – Здесь не перед кем соблюдать конспирацию.

– Оля, я просто пошутила. До свидания, Татьяна Александровна!

– Пошли, пошли. – Корнилова буквально вытолкнула Бережковскую за дверь. – До свидания.

– До завтра, – сказала я и закрыла за клиентками дверь.

Наконец-то в моей квартире воцарилась тишина! Можно выпить кофе и спокойно осмыслить все услышанное.

Глава 2

Парковка около Дома быта на Обуховской была забита, я с трудом нашла местечко для своего «Ситроена», вышла из него, поставила авто на сигнализацию и направилась к центральному входу. Проходя мимо парикмахерского салона, я подумала – не зайти ли мне к «тетке», поздороваться с ней? Но, вспомнив, как долго она вчера томила меня совершенно ненужными подробностями из жизни своих многочисленных родственников, я прошла мимо «Пальмиры». Прости, «тетушка», но я пока по тебе ни капельки не соскучилась.

С Корниловой мы встретились на лестнице. После недавних событий она избегала лифта, а я специально пошла наверх пешком, чтобы приглядеться к тому, что происходит в здании. Попутно я заглядывала на каждый этаж, смотрела, какие фирмы там расположены, и вот, на площадке четвертого этажа, мы и встретились.

– Как настроение в первый рабочий день? – поинтересовалась моя работодательница.

– Бодрое.

– Замечательно. Сейчас я познакомлю вас с коллективом. Он у нас дружный и трудолюбивый. – Корнилова распахнула дверь, над которой красовалась фиолетовая вывеска «Ирис»: – Здравствуйте, девочки!

– Здравствуйте! – отозвались дамы бальзаковского возраста. Как позже выяснилось, одна из них была приемщицей заказов, а другая – закройщицей.

– Вот, это Татьяна Александровна, наш новый менеджер по работе с персоналом. А это – Людмила и Светлана. Елена Федоровна уже здесь?

– Пока нет, – ответила приемщица.

– Ладно, Татьяна Александровна, вы меня подождите пару минут, я сделаю один звонок, а потом проведу для вас экскурсию по ателье. – И Корнилова скрылась за дверью своего кабинета.

– Вы можете повесить свой плащ сюда. – Людмила показала рукой на вешалку, стоявшую в углу.

– Спасибо, – я с благодарностью приняла это предложение, потому что в здании было жарковато.

– Значит, вы теперь с нами будете работать? – Приемщица приветливо улыбнулась мне.

– Да, – кивнула я.

Мы обменялись двумя-тремя дежурными фразами, прежде чем Ольга Николаевна вернулась в приемную.

– Так, ваш кабинет будет рядом с моим. Вам предстоит делить его с Еленой Федоровной, – при этих словах Людмила со Светланой многозначительно переглянулись. – Пойдемте дальше. Здесь, как вы, наверное, уже догадались, примерочные. А это – комната для приема пищи, а если проще – бытовка. Если хотите, можете приносить обед с собой и разогревать его в печке СВЧ, так многие делают. Будет повод для неформального общения с людьми. Также вы можете спуститься на первый этаж, в кафе, там уже другие люди и другие разговоры.

– Понятно.

– Так, здесь – раздевалка, шкафы для одежды. А здесь у нас пошивочный цех, а еще дальше – складские помещения.

– Здравствуйте, Ольга Николаевна. – Невысокий мужчина лет сорока, вышедший из цеха, подобострастно поклонился начальнице, а на меня даже не взглянул.

– Николай, что у нас с оверлоком? – строго осведомилась Корнилова.

– Уже все нормально, я заменил вчера деталь, так что он пашет сегодня, как зверь, – ответил техник и удостоил меня беглым взглядом.

– Понятно. Да, вот еще что, в бытовке одна лампочка перегорела, – вспомнила Ольга Николаевна.

– Я уже поменял ее, – уведомил ее Николай и застыл в ожидании следующего вопроса или задания.

Он напомнил мне пса, готового кинуться за палкой, брошенной хозяйкой, чтобы принести ее обратно в зубах. Но Корнилова жестом дала ему понять, что она полностью удовлетворена его работой, а новых заданий у нее пока нет. Мужчина в синей спецовке учтиво поклонился и направился в сторону приемной. Ольга Николаевна распахнула двери в пошивочный цех, пропустила меня вперед и представила работницам как нового менеджера по работе с персоналом. Некоторые женщины даже не оторвали глаз от машинок. Похоже, кадровые перестановки были им малоинтересны. В общем, фурора среди рабочего контингента я не произвела.

– Ну вот, собственно, и все, – подытожила начальница. – Я думаю, вы у нас быстро освоитесь.

– Надеюсь, – ответила я.

Мы вернулись в приемную. Дверь в кабинет, который мне предстояло делить с главным бухгалтером, была приоткрыта. Корнилова распахнула ее начальственным жестом и сказала:

– Вы уже здесь, Елена Федоровна? Доброе утро. Я хочу вам кое-кого представить. Идемте. – Ольга Николаевна махнула мне рукой. Я взяла плащ и вошла в кабинет. – А вот и Маринина замена – Иванова Татьяна Александровна. Теперь она будет заниматься и кадрами, и договорами.

– Здравствуйте! – поприветствовала я главбухшу, крашеную брюнетку лет тридцати с небольшим, но она мне не ответила.

Измученный взгляд Корзун так и вопрошал: «А вы ничего не перепутали?»

Это меня ничуть не смутило. Окинув кабинет беглым взглядом, я нашла, что он чересчур маленький даже для двух человек, но выбирать мне не приходилось. Я пристроила свой плащ на вешалку и положила сумку на стол, заваленный бумагами.

– А мы не слишком торопимся с принятием на работу нового сотрудника? – наконец пришла в себя бухгалтерша. – Вдруг Марина завтра вернется? По-моему, надо было подождать, хотя бы до того, как она официально уйдет в декрет.

– Ничего, Лена, все будет нормально. Я Мелиховой сегодня звонила, она сказала, что ее выписывать не собираются. Да, еще она просила вам передать, что у нее будет девочка. Марина так этому рада!

– Да, девочка – это хорошо, – заметила Корзун.

– В общем, Татьяна, осваивайтесь, не буду вам мешать, – сказала Корнилова и закрыла дверь, оставив меня наедине с Корзун.

Елена Федоровна явно была не в восторге от моего появления. Тем не менее высказывать мне свои претензии она не стала. Включила компьютер и уткнулась в монитор. Я же стала просматривать бумаги, которыми был завален отныне мой стол. Рассортировав их по стопкам, я навела мало-мальский порядок, а затем переключилась на стеллаж, стоявший рядом со столом. Там тоже был бардак, оставшийся после беременной Мелиховой. Примерно через час все папки стояли корешок к корешку, я заскучала и решила, что надо бы пройтись по зданию. В конце концов, я «устроилась на работу» в ателье вовсе не для того, чтобы целый день сидеть в кабинете, занимаясь бумажками. Я встала, взяла свою сумочку и, ни слова не говоря Лене, пошла к двери.

– Вы куда? – спросила она.

– К Корниловой, – ответила я.

– Занесите ей эти платежки на подпись. – Корзун, не поднимая на меня глаз, положила на край своего стола несколько бумажек.

- Это чья работа бумаги относить? – уточнила я.
- Мы здесь все делаем одно дело, – ответила она.
- Не думаю, – сказала я и вышла из кабинета.
- Что?! – донеслось мне вдогонку.

Ну вот, первый мой рабочий день начался с конфликта. Наверное, надо было взять платежи, занести их Корниловой, а потом идти по своим делам, но я все-таки не девочка на побегушках! Начну сразу источать любезность, так эта Лена на меня попробует еще что-нибудь навесить. А у меня здесь совсем другая миссия. Я вышла из ателье, спустилась на третий этаж, заглянула туда и, увидев в конце коридора какую-то толпу, решила пройти мимо нее, дабы послушать, о чем говорит народ. Речь шла о каком-то Толяне, и я предположила, что, возможно, говорят они все как раз о Синичкине, лаборанте, отравившемся химикатами. Как раз в этом секторе здания находилось «Бюро товарных экспертиз». Я остановилась у стенда, сделала вид, что читаю размещенную на нем информацию, и прислушалась к общему разговору.

– Да не было у него ничего с Машкой, и быть не могло, – сказала какая-то девица в белом халате. – Вы вообще можете представить их рядом?

– А почему, собственно, нет? – возразил мужчина средних лет.

– Гена, можно подумать, ты не знаешь, какие у Машки были запросы! – усмехнулась девица.

– Не знаю, я с ней близко не общался. Может, она только с виду была такой высокомерной, а в душе она совсем другая.

– Ага, вся такая мягкая и пушистая!

– Лиза, вот ты не веришь, а я однажды слышал, как Толян с ней по телефону разговаривал, и у меня создалось такое впечатление, что они обсуждали совместно проведенный вечер.

– Может, он с какой-нибудь Машей и провел вечер, но только не с Кашиной!

– Подумаешь, вечер, не ночь же, – сказала девушка, до сих пор хранившая молчание, и все засмеялись.

Я решила, что речь идет вовсе не о Синичкине, и пошла своей дорогой. Спустившись по другой лестнице на второй этаж, я прогулялась по нему, остановилась у помещения турфирмы «Пять континентов» и начала от нечего делать знакомиться с его «горячими» предложениями. Вскоре боковым зрением я заметила мужчину, который пять минут назад доказывал девушкам из «Бюро товарных экспертиз», что некий Толян крутил амуры с Машей Кашиной. Он вошел в офис турфирмы. Я заглянула туда и поняла, что Геннадий – сотрудник «Пяти континентов»: он прикрепил на пиджак фирменный бейджик. Пока что все это ровным счетом ничего не значило, но в память мне врезалось.

Затем я спустилась на первый этаж, нашла кафетерий, взяла чашечку кофе эспрессо и села за столик у окна.

– Можно к вам присоединиться? – через минуту спросил меня низкорослый молодой человек лет двадцати пяти – двадцати восьми и, не дожидаясь ответа, плюхнулся напротив меня. – Спасибо, что не отказали.

– Просто не успела, – добродушно парировала я.

– Неужели вы хотели это сделать? – удивился тот. – Быть этого не может!

– Почему не может? – Я с удовольствием поддержала этот разговор. Мне нужны были новые знакомства.

– Да потому, что вы как раз и пришли сюда, чтобы встретиться со мной! Разве нет?

– Самоуверенно звучит, очень. – Я пригубила эспрессо.

– Нормально! – Молодой человек размешал сахар в чашке и спросил: – Скажите, а почему я вас никогда раньше не видел?

– Потому, что я только первый день здесь работаю.

– Здесь – это где? – уточнил мой визави.

- В ателье «Ирис».
- Понятно. А я – в «Метагалактике».
- Я еще очень плохо здесь ориентируюсь. «Метагалактика» – это...
- Модельное агентство, – пояснил мой собеседник.
- Так вы – модель? – заинтересовалась я. – В какой рекламе вас можно увидеть?
- Нет, я фотограф, и, между прочим, самый лучший в Тарасове!
- Скромно, – съязвила я вновь.
- Да, вот тут я действительно поскромничал. На самом деле я один из лучших фотографов в стране! Вас как зовут? – поинтересовался он.
- Таня.
- А я – Илья. Илья Кузьмин. Слышали обо мне?
- Нет, – призналась я.
- Шутите?! Вы не могли обо мне не слышать!
- Илья, а вы себе льстите, – усмехнулась я.
- Кузьмин никак не отреагировал на мое замечание. Он просто сидел и смотрел на меня, и я даже догадалась, о чем он думает и что скажет в следующую минуту.
- Таня, а хочешь, я сделаю тебе фотосессию?
- Этот вопрос оказался таким предсказуемым!
- А что, мы уже на «ты»?
- Есть возражения?
- Я задумалась и через минуту ответила:
- В принципе нет.
- Ну, так как насчет моего предложения? – уточнил Кузьмин.
- Я его отклоняю. Мне это не интересно.
- Да, Танюша, ты не перестаешь меня удивлять! Все девчонки от пяти и до пятидесяти пяти лет мечтают о профессиональной фотосессии.
- Пятидесятипятилетние девчонки?! – расхохоталась я.
- Да, представь себе, есть и такие. А есть и двадцатипятилетние старушки, до смерти скучные, потому что живут они в мире стереотипов и условностей. Но ты ведь не такая?
- Не уверена. Я как раз сижу и думаю, что мне пора возвращаться в ателье. – Я поставила на стол пустую чашку. – Илья, было приятно с тобой пообщаться, но меня ждет милая рутина. Пока.
- Милая рутина! Как это трогательно! – бросил мне вдогонку фотограф.
- Я вышла из кафетерия и поднялась на лифте на четвертый этаж.
- Ну и где вы, интересно, столько времени ходите? – осведомилась бухгалтерша, едва я вошла в кабинет.
- Да так, к тетке зашла. – Я с самым непринужденным видом уселась за свой стол и начала пролистывать бумаги, появившиеся на нем во время моего отсутствия.
- И кто же у нас тетка? – не преминула поинтересоваться Елена Федоровна.
- Наталья Бережковская.
- Понятно, значит, вы сюда по блату попали, – в голосе главбухши прозвучало презрение.
- Ну, разумеется, – подтвердила я. – Разве в наше время можно найти хорошую работу иначе, как по знакомству, или по блату, если вам это совковое выражение больше нравится?
- То есть вы считаете, что нашли хорошую работу? – усмехнулась Корзун.
- Конечно.
- А это ничего, что она временная? Вот родит Маринка, подкинет свою малышку бабушке и выйдет на работу...
- То есть это место настолько хорошее, что Мелихова даже готова пожертвовать положенным ей по закону декретным отпуском?

– Она – будущая мать-одиночка. А ее мама – пенсионерка, так что вполне логично, чтобы бабушка сидела с ребенком, а Марина работала.

– Извините, Елена Федоровна, вы меня отвлекаете. – И я очень «заинтересовалась» каким-то договором.

Бухгалтерша хмыкнула и замолчала. Я подумала, что победа и в этом раунде нашей словесной дуэли осталась за мной. Впрочем, это не слишком радовало. Было бы гораздо полезнее для дела, если бы мы с Корзун нашли общий язык. Она могла бы мне изложить свою версию того, что происходило в последнее время в этом здании. Но Елена приняла меня в штыки. Судя по всему, с Мариной Мелиховой у нее было полное взаимопонимание, а я не понравилась ей с первого взгляда. Ну и ладно, в конце концов, двенадцатигранники советовали мне упрочить свои позиции, а не вербовать сторонников. Именно этим я и должна заняться.

Вчера Корнилова говорила мне о проекте договора с новым поставщиком текстиля. Она попросила меня посмотреть его своим свежим взглядом и подчистить, если я, конечно, найду в нем какие-нибудь шероховатости. И я углубилась в чтение договора. Елена Федоровна громко заговорила с кем-то по телефону, старательно отвлекая мое внимание от работы. Причем ее докучливая болтовня носила личный характер. Мне пришлось по несколько раз перечитывать каждый пункт контракта, чтобы вникнуть в смысл. Как Корзун ни мешала мне сосредоточиться, я все-таки дочитала договор до конца и нашла, что в нем просто необходимо исправить несколько пунктов. Пометив это на отдельном листочке, я отправилась к Ольге Николаевне.

– Ну, как ваши дела? Осваиваетесь? – спросила она.

– Да, потихоньку. Я прочитала контракт...

– Ой, да это совсем не к спеху! Можете еще пару деньков над ним поработать, чтобы Лена видела, что вы заняты делом. А как насчет расследования? Продвинулись?

– Да, я прошлась по этажам и коридорам... Скажите, вы случайно не знаете, кто такая Маша Кашинцева? – вспомнила я имя, врезавшееся мне в память.

Услышав это имя, Корнилова изменилась в лице, правда, она быстро совладала с собой и сказала:

– Да кто ж ее не знает! Маша – личность известная, самая перспективная модель из «Метагалактики». Точнее, была ею.

Я вспомнила, что «офисный планктон» тоже говорил о Кашинцевой в прошедшем времени, поэтому уточнила:

– Она тоже умерла?

– Нет, не умерла, но попала в аварию и серьезно пострадала. Говорят, лицо у нее сильно изуродовано, ноги-руки переломаны... Кости, конечно, срастутся, но вот карьера ее однозначно загублена, – из уст Корниловой это заявление прозвучало без всяких признаков сочувствия к Маше. – Вот уж поистине, нельзя верить в бесконечность собственного природного ресурса.

– Ольга Николаевна, когда произошла эта авария?

– Да уж месяца три тому назад, если не больше. Я точно не помню. Татьяна Александровна, а почему вы спросили о Кашинцевой? Вы думаете, что дорожно-транспортное происшествие, случившееся с Машей, следует принять за отправную точку последующих событий, которые, собственно, и побудили нас с Наташей обратиться к вам?

– Я пока не знаю.

– Лично я думаю, что та авария тут совсем ни при чем. Во-первых, Кашинцева сама была ее виновницей...

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Ну это ни для кого не секрет. Об этом происшествии даже по телевизору сюжет показывали. Автомобиль «Сузуки Свифт» выехал на встречную полосу и врезался в маршрутную «Газель». К счастью, ее водитель и пассажиры отделались легким испугом, а вот сама винов-

ница аварии серьезно пострадала. Но если даже допустить, что кто-то своим неблагоприятным маневром спровоцировал Кашинцеву выехать на встречную полосу, то все равно нельзя ставить эту аварию в один ряд с тем, что произошло потом. Между тем ДТП и смертью Частоколова прошел значительный период времени – месяца два примерно. А затем трагические события начали случаться едва ли не каждую неделю.

– И все – под крышей этого здания, а Маша пострадала на улице.

– Вот именно. Извините. – Корнилова ответила на телефонный звонок.

Я жестом показала, что ухожу. Моя начальница не возражала. Сидеть сиднем в своем кабинете я не собиралась, поэтому прошла мимо двери и оказалась за пределами территории. Мне не давал покоя вопрос – почему Ольга Николаевна так странно отреагировала на имя бывшей фотомодели? Какие у них могли быть точки соприкосновения? Я решила расспросить об этом свою «тетушку» и спустилась на цокольный этаж.

– Ну наконец-то! – воскликнула Наталья Петровна, увидев меня. – Я все жду, когда моя дорогая племянница соизволит ко мне зайти, а ее все нет и нет! Ну как, Танюша, уже освоилась? Ольга тебя не обижает?

– Нет, все нормально.

– Смотри, если что-то не так, я с ней поговорю. – Бережковская явно играла на публику. Теперь едва ли не весь персонал ее салона узнал, кто я такая и что здесь делаю. – Ладно, пойдем ко мне, посплетничаем.

– Пойдемте, тетя Наташа.

Вскоре мы расположились в крохотном директорском кабинете. Хозяйка поплотнее закрыла дверь и сказала:

– Татьяна Александровна, извините, что я с вами так по-родственному общалась на людях. Вы же понимаете, надо поддерживать легенду.

– Да, конечно. Наталья Петровна, я зашла к вам, чтобы спросить о Марии Кашинцевой.

Бережковская состроила кислую мину. Я сразу поняла, что ей эта девушка тоже была не по сердцу.

– А почему она вас вдруг заинтересовала? – осведомилась хозяйка салона красоты, не дождавшись моих объяснений.

– Я случайно узнала, что Мария не так давно попала в аварию, и подумала – а вдруг именно с этого происшествия все и началось?

– Нет-нет, – тут же возразила Наталья Петровна, – то ДТП как-то совсем не вписывается в общую концепцию. А что Ольга об этом говорит?

– Она солидарна с вами. – Скрывать это не имело смысла.

– Понятно. А о том, что ее сын Никита встречался с Машкой, Оля вам сказала? – Бережковская заговорщически понизила голос.

– Нет.

– Значит, промолчала... Оно и понятно, Ольга эту Кашинцеву терпеть не могла, а потому приложила все усилия к тому, чтобы они расстались. Честно говоря, я ее понимаю. Машка Никите совершенно не пара, – категорично заявила Бережковская.

– Почему?

– Нет, чисто внешне они неплохо смотрелись вместе. Он такой высокий, статный брюнет, она – смазливенькая блондинка. Но Никите нужна совсем другая девушка. Он – серьезный, трудолюбивый парень, после смерти отца, еще будучи студентом, он занялся его бизнесом и вот уже два года прекрасно справляется.

– А какой у него бизнес? – уточнила я.

– Станция техобслуживания.

– Понятно.

– Так вот, когда Никита просто встречался с Машкой, Оля с этим еще как-то мирилась, а когда он задумал на ней жениться, моя подружка сказала – не бывать этому браку! Не хватало того, чтобы она начала обременять своим непомерным транжирством новую семью! Я Олю понимаю, ведь Машка – абсолютная пустышка. Природа отпустила ей полный комплект красоты, но пожадничала в отношении мозгов. Поклонников у нее было море, причем самых разных возрастов. Говорят, один заказчик рекламы, в которой она снималась, подарил ей машину, на ней Кашинцева и разбилась. Вот как вы думаете, Татьяна Александровна, за какие такие заслуги она такую «премию» отхватила?

– Наверное, у них были какие-то отношения, – я недвусмысленно улыбнулась.

– Правильно! С кем у нее только не было этих «отношений»! Между прочим, после Никиты она с Частоколовым встречалась, но тот ее бросил, потому что приревновал к кому-то.

– Вы имеете в виду директора турагентства, умершего от сердечного приступа? – переспросила я.

– Ну, разумеется! Я собственными ушами слышала, как она разговаривала с какой-то подружкой по мобильному телефону и называла Сергея жутким ревнивцем. По-моему, Машка считала себя звездой такой огромной величины, которой абсолютно все позволительно – крутить одновременно несколько романов, хамить всем направо и налево... Знаете, какую истерику она мне здесь однажды закатила?

– По какому поводу? – спросила я.

– Сейчас расскажу. В общем, пришла однажды эта красавица к нам в салон и говорит – имидж гламурной блондинки мне надоел, хочу перемен! Мои девчонки начали было отговаривать ее от кардинальных изменений внешности, но потом поддались на ее уговоры. В итоге из блондинки с длинными волосами Кашинцева превратилась в жгучую брюнетку с асимметричным каре. Образ леди-вамп, на мой взгляд, как раз отражал ее внутренний мир. Маша ушла от нас, очень довольная таким преображением, а вечером вернулась – и устроила скандал.

– Вот как? Чем же была вызвана такая резкая перемена ее настроения?

– Оказывается, она поехала отсюда на какой-то кастинг и завалила его – ее новый образ не понравился заказчику. Наверное, ему как раз нужна была туповатая блондинка. Этот отказ больно ударил по самолюбию Кашинцевой, ведь она была убеждена в полнейшем совершенстве своей красоты. Разумеется, она не сумела достойно перенести свой провал и обвинила в случившемся моих девочек. Машка обзывала их такими словами, которые употребляют разве что торговки на оптовом рынке стройматериалов. Женя даже расплакалась. Разумеется, я встала на защиту моих девочек и нарвалась на такой отпор! Машка дошла до того, что пригрозила мне тем, что в два счета закроет мой салон. Ей, видите ли, достаточно только шепнуть об этом кому следует! – Бережковская усмехнулась. – Но я, естественно, не растерялась и спросила – почему же ее крутой покровитель не помог ей пройти кастинг? Кашинцева не нашла, что мне на это ответить, хлопнула дверью так, что из нее стекло чуть не вылетело, и ушла. Вот такая непростая она штука.

– Наверное, авария ее как-то изменила? Я имею в виду не внешность, а внутренний настрой.

– Не уверена. Скорее всего, Машка считает недели и дни до того, как она вновь примется ходить по коридорам этого здания, вбивая своими каблуками всем в головы абсолютную уверенность в собственном совершенстве. Вы не поверите, но мы узнавали ее по стуку каблуков!

– Но я слышала, что у Кашинцевой лицо сильно изуродовано. Вряд ли она сможет вернуться в модельный бизнес, где успешность напрямую зависит от внешности.

– Татьяна Александровна, а на что же тогда пластическая хирургия? – тут же нашлась хозяйка салона красоты.

– Я об этом как-то не подумала.

– У меня есть одна клиентка, она тоже попала в аварию, результатом которой была открытая челюстно-лицевая травма. Я видела Тамару до этого, с этим и... после пластики. Знаете, что я вам скажу? После операции она стала еще интереснее, у нее появилась какая-то харизма. Так что у Машки имеются все шансы вернуть себе былую красоту, а то и улучшить свои внешние данные.

– Но ведь на пластику деньги нужны...

– Ну, это уж не наша с вами забота! Уж кто-кто, а эта стерва деньги найдет. Лично мне Машку ни капельки не жалко. То, что с ней произошло, вполне закономерно, – подвела итог Наталья Петровна.

– Возможно, вы в чем-то правы. Знаете, я, пожалуй, пойду. Мне надо еще над договором поработать, – я показала ей скатанные в трубочку бумаги.

– Не буду вас задерживать, а то еще Оля на меня обидится, что я вас от работы отвлекаю. Да, Татьяна Александровна: не говорите Корниловой, что я вам об отношениях Никиты и Машки рассказала. Конечно, мне надо было промолчать. Ольга собралась бы с мыслями и сама бы вам об этом поведала, но... как-то слетело это у меня с языка.

– Не беспокойтесь, я не проговорюсь, – пообещала я, подумав, что с моими клиентками будет гораздо продуктивнее общаться по отдельности.

Я вышла из «Пальмиры» и как-то инстинктивно направилась в сторону модельного агентства «Метагалактика». У входа висел огромный портрет блондинки с порочным взглядом и капризными губками.

– Интересно, кто это? – спросила я у проходившего мимо мужчины, кивнув на огромный постер.

– Маша Кашинцева, – ответил он, – фотомодель. Только она здесь больше не работает.

– Правда? А почему?

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Я вообще-то не из этой фирмы, а из похоронного агентства «Пантеон». Это в другом крыле здания.

– Понятно.

В «Метагалактику» я не зашла, поскольку на двери висела табличка: «Идет съемка. Просьба – не беспокоить». Ладно, не буду беспокоить. Достаточно того, что я узнала, как выглядела Мария до той злополучной аварии. Лицо ее показалось мне знакомым, вероятно, я видела ее в какой-то рекламе. Кашинцева действительно отличалась заметной красотой, и смириться с последствиями аварии ей наверняка было очень сложно. Месть вполне могла стать для нее терапией, отвлекающей ее от грустных мыслей.

Я развернулась и пошла к лифту.

Глава 3

Дверь в мой кабинет оказалась закрытой. Я поинтересовалась у Людмилы, куда делась Елена Федоровна.

– Она ушла.

– Куда?

– Не знаю, может быть, в банк. Во всяком случае, она сказала, что сегодня уже не вернется, – сказала приемщица заказов, заполняя какой-то бланк.

– Не вернется? – опешила я. – А как же мне туда войти?

– А разве вам ключ не дали? – удивилась в свою очередь Людмила.

– В том-то и дело, что нет.

– Не беспокойтесь. Сейчас я поищу Маринин ключ. – Люда наклонилась, исчезнув под стойкой. Примерно через минуту она оттуда вынырнула с самым растерянным видом: – Странно, ключ должен быть здесь, но я почему-то его не нахожу.

– Нет, ну нормально! – возмутилась я. – У меня там сумка с деньгами и ключами, мобильник, плащ, в конце концов... Что же мне, до утра в ателье куковать?

– Татьяна, не переживайте, у нашей уборщицы есть дубликаты всех ключей. Она подойдет к концу рабочего дня. Давайте пока что чаю попьем? У меня и печенье есть.

– А кофе нет?

– Только в пакетиках.

– Сгодится.

«Кофе-пауза» отложила на некоторое время, потому что в ателье пришла потенциальная заказчица, желавшая сшить деловой костюм. Вероятно, на ее гитарообразную фигуру было сложно найти что-то готовое. Людмила вызвала Светлану, и они обе засуетились вокруг клиентки. Я села в кресло, стоявшее в уголке приемной, и принялась размышлять о том, действительно ли авария, в которую попала Маша Кашинцева, никак не связана с тем, что начало происходить через пару месяцев здесь, на Обуховской, пять? Я постаралась остаться максимально беспристрастной и просто вспоминала по порядку открывшиеся мне сегодня факты, не пытаясь что-либо додумать. В результате я была вынуждена признать – действительно, напрямую ничто не указывало на наличие такой связи. Но потом я отпустила свою фантазию на волю и увидела некую определенную закономерность.

Несчастные случаи в этом здании происходили с теми, кто так или иначе был связан с Машей Кашинцевой. Сначала умер от сердечного приступа Сергей Частоколов, бросивший модель, – потому что он не желал ее ни с кем делить. Затем совершенно нелепо отравился лаборант, предположительно тоже встречавшийся с Машей. Были ли отношения у Максима Дерябкина, системного администратора страховой компании «Полис-2000», с Кашинцевой, я пока что не знала. Тут у меня пока пробел... Но теоретически этот двадцатитрехлетний молодой человек вполне мог увлечься моделью из «Метагалактики» или, напротив, не ответить на ее чувства. Далее: имело место покушение на убийство в лифте – на Корнилову, которая каким-то образом поссорила своего сына-бизнесмена Никиту с Машей. А у Бережковской, поскользнувшейся на масляном пятне, произошел конфликт с Кашинцевой на профессиональной почве. Модель осталась недовольна тем, как ей изменили в «Пальмире» имидж, а хозяйка этого салона не предложила что-то доработать, например, нарастить ей волосы или вновь перекрасить их, а стала защищать своих сотрудниц.

Мой первый рабочий день в «Ирисе» еще не закончился, а я уже выдвинула первую версию – перспективная модель, чье лицо было изуродовано в результате автомобильной аварии, озлобилась и принялась мстить всем, кто когда-либо так или иначе ее обидел... Стоп! Эта девушка переломала конечности, поэтому ей требовалось длительное лечение и последующая

реабилитация, так что ей лично не под силу было бы подстроить в Доме быта череду этих роковых случайностей. Зато она могла привлечь кого-нибудь к выполнению своего изощренного плана мести. Какого-нибудь очередного поклонника, готового ради нее на любое безрассудство, в том числе и на преступление.

Удивительно, что мои клиентки, пытавшиеся самостоятельно во всем разобраться, не выдвинули такую версию. А может, я все-таки заблуждаюсь? Я попыталась выстроить какие-нибудь другие предположения, но у меня ничего не получилось. Информации пока что мало, вот в чем проблема.

Людмила наконец освободилась, и мы отправились пить кофе.

– Я позвонила уборщице и попросила ее прийти пораньше, – сообщила мне Люда.

– Вот за это спасибо. У меня там мобильник, наверное, уже обзвонился.

– Знаете, Таня, конечно, я не уверена, но мне кажется, что Елена Федоровна стащила Маринкин ключ, когда я ненадолго вышла из приемной. Они ведь подружки. Обе такие высокомерные!

– Вы думаете, она на такое способна?

– Корзун еще и не на такое способна! По-моему, вам будет непросто с ней сработаться, – посочувствовала мне Людмила.

– Ничего, я с этим справлюсь.

– Надеюсь.

– Люда, вы давно здесь работаете? – поинтересовалась я.

– Второй год. Но, честно говоря, в последнее время меня уже не раз посещало желание уволиться.

– Почему? Мало платят?

– Не в этом дело, – Людмила замаялась. – Вообще-то мой муж хорошо зарабатывает, поэтому материальных проблем у нас в семье нет. Я лет десять вообще не работала, занималась воспитанием детей, домашним хозяйством, а потом как-то надоело мне сидеть дома, и я начала искать работу. У меня экономическое образование, но по специальности мне никуда устроиться не удалось. После сорока, да еще с прерванным стажем, с трудоустройством возникают большие проблемы, вот и пришлось пойти в приемщицы. Все бы ничего, но вот в последнее время тут такое происходит... Короче, муж, как только узнал об этом, сказал: – Люда, сиди дома!

– А что же все-таки здесь происходит? – с любопытством спросила я.

– Ой, наверное, зря я об этом заговорила! Как бы Ольга Николаевна не узнала, что я вас с первого дня страшать начала...

– Не волнуйтесь, от меня она ничего не узнает, – заверила я ее.

– Нет-нет, я все-таки зря затеяла этот разговор, – все еще колебалась Людмила.

– Люда, ну так нечестно, вы сначала меня заинтриговали, а потом замолчали! Я же теперь работать не смогу – все время буду гадать, что же вы имели в виду?

– Ну, хорошо, все равно вы рано или поздно об этом от кого-нибудь узнаете. В общем, мы все сидим тут, как на вулкане, и боимся, как бы чего не случилось...

– А что может случиться? – Я продолжала разыгрывать недоумение. – Сокращение штатов, что ли? Корнилова мне ни о чем таком не говорила.

– Нет... понимаете, Таня, в этом здании чертовщина какая-то происходит! Едва ли не каждую неделю люди умирают самым нелепым образом. – И приемщица заказов поведала мне о том, что я уже и так знала. Тем не менее я старательно округляла глаза и то и дело охала, будто услышала обо всем этом впервые.

– Да, все это действительно очень странно, – согласилась я, выслушав Люду. – На случайные совпадения как-то не похоже! Интересно, что же за всем этим стоит? Или кто? Вы сами-то что об этом думаете?

– Я не знаю, но некоторые поговаривают: все дело в том, что здание построено то ли на скотомогильнике, то ли на кладбище... Вот духи и взбунтовались. Чушь, конечно, но эта сплетня уже по второму кругу обошла все фирмы, расположенные здесь. Татьяна, а вы... в мистику верите?

– Нет, я в мистику не верю, а уж в подобное проклятие – тем более. Здание ведь не вчера было построено, а лет сорок тому назад. С чего бы это чьи-то духи именно сейчас активизировались? Скорее всего, все эти смерти и несчастные случаи – просто диковинное сплетение случайностей, – высказалась я.

– Да, наверное... Но после того, как Ольга Николаевна в горящем лифте застряла и чудом осталась жива, поневоле задумаешься – а не стоит ли сменить место работы?.. Нет, все-таки зря я вам это сказала! Хотела предостеречь, но, похоже, просто напугала вас. Язык мой – враг мой. – И женщина демонстративно шлепнула себя ладонью по губам.

Только я хотела расспросить болтливую сотрудницу о Маше Кашинцевой, как в бытовку зашла Светлана и сказала:

– Девочки, ну сколько можно чай гонять! Люда, ты же просила тебя всего на пять минут заменить, а сама сидишь здесь уже полчаса! Там клиентка пришла, правда, пока только за консультацией. Я ей сказала, чтобы она немного подождала. Если она уйдет, это будет на твоей совести!

– Ну все, не ворчи, Света, мы уже заканчиваем. – Людмила залпом допила остатки кофе. За нашим разговором она о нем совсем забыла.

– А Тане-то можно никуда не спешить, тетя Вера с ключами еще не пришла. – Закрой-щица дала мне понять, что тоже не прочь поболтать со мной. Я поняла ее намек и осталась.

Со Светланой я тоже достаточно быстро нашла общий язык. Сначала и она предостерегла меня насчет Корзун – с Леной требовалось держать ухо востро, а потом перешла к рассказу о трагических событиях, вот уже целый месяц будораживших персонал Дома бытовых услуг. Вскоре в бытовку вошли две швеи и присоединились к нашему разговору. Ничего нового я от них не услышала, но поняла, что женщины не на шутку встревожены всем, что тут происходит.

– Вот сороки! Трещат и трещат, – послышался чей-то голос за моей спиной. Я оглянулась и увидела Николая. – Барышня, не вас ли я сегодня утром видел вместе с Ольгой Николаевной?

– Меня.

– Простите, а вы что же, у нас теперь работаете?

– Работаю, – подтвердила я.

– Кем? – продолжал допытываться мужчина.

– Вместо Марины Валерьевны она. Ясно тебе? – Пожилая швея бросила на техника недружелюбный взгляд.

– Вон оно, значит, как... Перестановочка нарисовалась, а я не в курсе, – расстроился Николай. – А как вас, барышня, звать-величать?

– Татьяна.

– А по бабушке?

– Александровна.

– Так вот, Татьяна Александровна, вы этих сорок не больно-то слушайте! Ничего здесь особенного не происходит. Так, рабочие моменты. Просто не надо совать пальцы в розетку и пить всякую гадость, тогда ничего и не случится.

– Ой, Николай, я смотрю, ты у нас самый умный! – подпустила ему острую шпильку та же пожилая швея. – А на лифте, по-твоему, тоже ездить не надо? Или можно, но только в противогазе?

– Зинаида, ты бы закрыла свою варешку, а то сквозняк сильный от тебя, боюсь простудиться. – Техник повернулся к ней спиной, открыл дверку холодильника и достал с полки сверток, обернутый фольгой.

– Нет, вы посмотрите на этого умника! Он мне рот затыкать вздумал!

Назревали разборки местного масштаба, и мы со Светланой, переглянувшись, встали и вышли из бытовки.

– Ох уж этот рабочий контингент! – усмехнулась закройщица.

Я подумала, что Корнилова сильно покривила душой, говоря, что коллектив у нее дружный. Реальность пока что этого вовсе не подтверждала.

Вскоре пришла уборщица со связкой ключей, и я наконец смогла войти в свой кабинет. Каково же было мое удивление, когда я увидела на столе ключ! Ну, Корзун, ну интриганка! Не удивлюсь, если она завтра скажет, что, уходя, оставила дверь открытой, подводя всех к мысли, что дверь захлопнулась от случайного сквозняка. После такого заявления к ней не придерешься.

Вскоре ко мне заглянула Ольга Николаевна.

– Вы тут одна? Елена Федоровна уже уехала в банк?

– Вероятно. Она меня не поставила в известность.

– Знаете, Татьяна Александровна, – Корнилова вошла в кабинет и плотно закрыла дверь, – я тут немного посидела, подумала и пришла к выводу, что вы не так уж и не правы... ДТП, в которое попала Мария, вполне могло послужить толчком для всего этого кошмара. Только смотреть на всю ситуацию надо совсем с другого ракурса! Не знаю, как бы помягче выразиться, потому что я на все сто процентов не уверена в этом, но теоретически такое возможно...

– Вы хотите сказать, что Маша решила кое на ком сорвать злость? – подсказала я ей, потому что моя собеседница явно никак не находила в себе сил озвучить это самостоятельно.

– Да, именно это я и хотела сказать. Вы просто читаете мои мысли!

Вообще-то это были мои собственные мысли, но разубеждать в чем-либо свою работодателя я не стала, просто уточнила:

– Значит, вы согласны, что подоплекой всех трагических событий, произошедших в этом здании, может являться месть фотомодели, у которой изуродовано лицо?

– Да, Татьяна Александровна, похоже, что все так и есть. Странно, что я раньше до этого не додумалась! Вот вы спросили меня про Кашинцеву, и у меня в голове зашевелились кое-какие мысли, правда, работа все время меня отвлекала, но после обеда я полностью на этой идее сосредоточилась. – Корнилова придвинулась ко мне поближе. – Понимаете, Мария привыкла ко всеобщему обожанию, а тут в один миг вся ее жизнь перевернулась вверх дном. Раньше у нее были высокооплачиваемые контракты, многочисленные поклонники и самые радужные перспективы. Что же осталось после аварии? Некрасивые шрамы, загубленные способности, умершие надежды. А впереди – жалкое существование, отравленное мучительными воспоминаниями. Скорее всего, это несчастье, так внезапно обрушившееся на Марию, привело ее к этому мстительному озлоблению. Кашинцева принялась сводить счеты с теми, кто относился к разряду ее ненавистников. Таких было не много, но я входила в их число.

– Вот как?

– Да, Татьяна Александровна, я должна вам кое в чем признаться. Мой сын Никита был влюблен в Марию, он даже собирался на ней жениться. Однажды он пришел ко мне в ателье, встретил ее где-то на лестнице – и пропал. Маша целиком и полностью завладела его сердцем. Он стал вести себя, как влюбленный дурак. Я поняла – сына надо спасти от когтей этой стервы. Татьяна Александровна, только не подумайте, что во мне заговорила материнская ревность, нет, это совсем не так! Просто я знала, что Кашинцева очень капризна, ветрена, эгоистична, меркантильна... Можно долго перечислять все ее дурные качества. Вся моя надежда была на то, что Никита сам все увидит, поймет и разорвет отношения с Машкой, но он словно ослеп. Я еще как-то мирилась с тем, что он частенько ночует у нее, но, когда сын заговорил о свадьбе, я твердо сказала – только через мой труп! Никита меня «не услышал» и принялся бегать по

ювелирным магазинам в поисках эксклюзивного обручального кольца. Догадывался, что простое колечко Мария точно не примет, – горько усмехнулась Корнилова. – Тем временем я подсуетилась и раздобыла кое-какой компромат...

– Компромат? – удивилась я.

– Да, понимаете, мне уже давно было известно, что в начале своей карьеры Кашинцева снималась в порносессиях... вот эти фотографии я и купила. На них было такое!.. Принципы у этой девицы полностью отсутствовали. Из десяти снимков я с трудом выбрала два, которые не так стыдно было бы показать Никите. Кроме того, я и сама сделала кое-какие фотографии своим мобильником. На них моя потенциальная невестка целовалась с Сергеем Частоколовым!

– То есть Кашинцева одновременно крутила роман и с вашим сыном, и с директором турагентства?

– Может, еще и с кем-то третьим, и даже с четвертым... Во всяком случае, меня бы это ничуть не удивило. Так вот, я показала эти фотографии Никите, и он, к счастью, прозрел и порвал все отношения с Марией. Конечно, моему сыну этот разрыв дался нелегко, но он справился и даже поблагодарил меня за то, что я раскрыла ему глаза на эту бесстыжую девицу.

– А что же Маша? Она, наверное, не слишком горевала, ведь у нее были запасные варианты? – предположила я.

– Ну, поначалу она цеплялась за Никиту, звонила ему, караулила его около дома и возле станции техобслуживания, где он работает. Даже приходила ко мне, сюда, выяснять отношения. Притворно называла меня мамой и уверяла, что любит моего сына, что ни в каких порносессиях она не снималась, что все это был фотомонтаж, а с Сергеем Частоколовым у нее будто бы чисто дружеские отношения. Но я не поверила ни одному ее слову и указала ей на дверь. Кашинцева ушла, пообещав мне напоследок какие-то неприятности. Я уж не помню точно, какие глупости она говорила, но факт остается фактом – эта порнозвездочка мне угрожала. И не только мне, но и Наташе.

– Да вы что? – Я продолжала делать вид, что ничего не знаю.

Корнилова рассказала мне о скандале, который Машка закатила Наталье в салоне красоты «Пальмира». Никаких новых деталей из уст моей работодательницы я не услышала.

– Нам, конечно, с Наташей повезло – мы практически не пострадали, не то что Частоколов, Синичкин и Дерябкин. Царствие им небесное. – Ольга Николаевна перекрестилась.

– То, что у Маши были отношения с Сергеем, я уже поняла, а вот как насчет Анатолия и Макса?

– Врать не буду – мне ничего об этом не известно. Татьяна Александровна, ну так как вам в целом моя версия?

Если бы я не спросила ее о Кашинцевой, то, скорее всего, Ольга Николаевна самостоятельно до этого не додумалась бы. Я проглотила тот факт, что Корнилова присвоила себе авторство этой идеи, и подтвердила:

– Да, эта версия стоит того, чтобы заняться ею немедленно.

– С чего вы думаете начать? – деловито осведомилась владелица швейного ателье.

– Мы можем сколь угодно долго говорить о том, как себя чувствует Маша после аварии и чем она живет, но на самом деле все может быть совсем не так. Надо ее навестить. Интересно, ее уже выписали из больницы или она планирует свою месть прямо оттуда?

– Я слышала, что она не очень долго пробыла в лечебном учреждении. Кашинцева разругалась там со всем персоналом, и ее поспешили оттуда выписать.

– Понятно. Так, значит, мне нужен ее домашний адрес. Вы случайно не в курсе?

– Видите ли, в чем дело, Машка была прописана в Багаевке, а жила в Тарасове, у своей дальней родственницы. Та вроде бы в Москву на заработки уехала, а квартиру свою сдала. Но вот куда именно вернулась Мария, я не знаю. Может, к родителям в Багаевку?

– Значит, она родом из деревни?

– Да, из грязи в князи. Ей на роду было написано коров доить, а она в модельный бизнес подалась, – съязвила Корнилова.

– Ольга Николаевна, ее тарасовский адрес вам не известен? – повторно спросила я.

– Известен, – призналась моя работодательница. – Однажды Никита целую неделю не выходил со мной на связь, Мария мне на глаза тоже не попадалась, и мне пришлось спуститься в модельное агентство, чтобы узнать, где проживает наша «мегазвезда». Выяснилось, что она в кратковременном отпуске. Я поехала к ней домой, но, как оказалось, зря. Соседка сказала, что она вместе со своим очередным бойфрендом улетела в Египет. По описанию мужчины я поняла, что как раз с моим Никитой она и укатила. А он мне ничего не сказал! В общем, со мной чуть инфаркт не случился – все средства массовой информации наперебой твердили о том, что берега египетских курортов атакуют акулы. Через несколько дней сын вернулся домой, загорелый и без копейки за душой. Я живо вообразила себе их будущую семейную жизнь – Никита с утра до вечера будет пропадать в авторемонтной мастерской, тяжелым физическим трудом зарабатывая деньги для своей семьи, а его женушка получит законное право обыскивать карманы мужа в поисках банковских карт и наличных денег и, уж конечно, будет изменять ему направо и налево. Татьяна Александровна, надеюсь, вы понимаете, что я не могла этого допустить?

– Да, конечно, понимаю, – поддакнула я и напомнила: – Ну так что насчет тарасовского адреса Кашинцевой?

– Да-да, сейчас я загляну в свой кабинет, полистаю органайзер и позвоню вам.

– Я жду.

Корнилова поднялась со стула и направилась к себе. Глядя ей вслед, я думала о том, что кому-то очень не повезет со свекровью. Ольга Николаевна – явно из тех несносных мамаш, которые стоят под дверью спальни молодоженов и подслушивают, чем те занимаются.

Раздался телефонный звонок, и я ответила:

– Аллю!

– Татьяна Александровна, записывайте адрес. Улица Тургенева, тридцать пять, квартира восемнадцать.

– Записала. Ольга Николаевна, я тогда сразу туда и поеду?

– Да, конечно. Я не знаю, как вы собираетесь вывести Машку на чистую воду, но очень надеюсь, что у вас это получится.

* * *

На первом этаже я встретила Илью.

– Танюша, ты случайно не ко мне? – спросил он, преграждая мне путь к выходу.

– Нет.

– Жаль, а я так надеялся, что ты надумаешь у меня сниматься!

– Извини, Илья, я спешу, – сказала я и сделала шаг в сторону.

Фотограф повторил мой маневр, но в зеркальном отражении.

– А ты куда? – все не унимался он.

Я ответила уклончиво:

– Надо по делам кое-куда съездить.

– А хочешь, я тебя подвезу? – предложил Кузьмин.

– Нет, спасибо, я на своей машине.

– Да? Слушай, а я забыл спросить, ты кем работаешь? Модельером, да?

– Нет, менеджером по персоналу.

– Вот уж не подумал бы!

– Илья! – кто-то окликнул его, Кузьмин оглянулся, и я, воспользовавшись благоприятным моментом, обошла навязчивого молодого человека и направилась к выходу. Но он отмахнулся от приятеля и бросился за мной вдогонку.

– Ну что еще? – разозлилась я. – Я очень спешу.

– Танюша, а у тебя какая машина?

– Зачем тебе?

– Ну так, просто интересно...

– У меня «Ситроен».

– Красный? – уточнил Илья.

– Ну, допустим, красный. – Отрицать это было бы бессмысленно.

– Так, значит, это ты утром мое место заняла? – упрекнул меня фотограф.

– Возможно, – я ничуть не смутилась. – Оно же не подписано было!

– Знаешь, у нас на парковке уже сложился негласный порядок, кто где ставит свою тачку, – пояснил Кузьмин.

– Кстати, а у тебя какое авто? – спросила я, глядя на Илью сверху вниз. Он ведь был пониже меня.

– Тоже французская машинка, только у меня «Пежо» серого цвета, и мне пришлось для парковки к соседнему зданию проехать. Наверное, я там тоже кого-нибудь выжал с насиженного места!

– Ты думаешь, что я буду испытывать по этому поводу угрызения совести? – усмехнулась я. – Не дожدهшься!

– Таня, ты зря обо мне так плохо думаешь. Я просто хочу тебя предостеречь от возможных неприятностей. Знаешь, какие здесь скандалы иногда из-за парковочных мест случаются! Дело до мордобоя доходит.

– Неужели?

– Да, всякое бывает. А знаешь – я дарю тебе свое место! – Кузьмина так и распирало от гордости за свой широкий жест.

– Ну надо же, какой щедрый подарок! Я прямо даже не знаю, как тебя отблагодарить за него.

– Язвишь, а ведь я от чистого сердца.

– Я так и поняла. Ладно, Илья, еще увидимся. – Еле отвязавшись от фотографа, я наконец вышла из Дома бытовых услуг, села в машину и поехала на улицу Тургенева.

По дороге я думала о том, как и кем отрекомендуюсь Маше. Надо было как-то заинтересовать ее своим визитом, чтобы она не постеснялась открыть мне дверь и предстать передо мной эдакой калекой и уродиной. Я была уверена, что журналистку или коллегу по модельному бизнесу она к себе не пустит. А врача-ортопеда? Ну, допустим, это сработает. Кашинцева откроет доктору дверь. Но что потом? Если уж прямо с порога начать обвинять ее в этих преступлениях, то лучше уж показать ей прокурорские «корочки», оставшиеся у меня со времен работы в этом учреждении. Впрочем, все это были совершенно неподходящие варианты. Я вдруг поняла, что у меня нет никаких доказательств того, что смерть Частоколова, Синичкина и Дерябкина лежит на совести у мстительной фотомодели.

Подъехав к нужному дому, я решила, что сначала надо поговорить с Машинными соседями и выяснить у них, здесь ли она сейчас обитает, одна ли живет и кто к ней приходит. Вот тут как раз и может понадобиться просроченное удостоверение сотрудницы прокуратуры.

Я вылезла из машины, вошла во двор и остановилась около первого подъезда. Входная дверь была оборудована домофоном. Сначала я позвонила в семнадцатую квартиру, но там дома никого не оказалось. Тогда я нажала цифры один и девять.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Здравствуйте, я из прокуратуры. Мне надо поговорить с вами насчет вашей соседки, Марии Кашинцевой.

– А что насчет нее говорить? – удивилась женщина.

– Понимаете, я занимаюсь расследованием ДТП, участницей которого она была, и мне надо кое-что у вас уточнить, – ляпнула я первое, что взбрело мне в голову.

– Ой, как-то все это неожиданно! У меня тут не прибрано, и потом, я ведь ничего не знаю, так что вряд ли смогу вам помочь. Обратитесь к кому-нибудь другому, – и женщина отключилась.

– Может, я вам помогу? – раздался голос за моей спиной, и я оглянулась. Примерно в двух метрах от меня курил мужчина лет пятидесяти. Я даже не слышала, как он подошел. – Я невольно подслушал, о чем вы говорили. Мы с вами коллеги, я в городской прокуратуре работаю, но что-то я вас ни разу нигде не встречал...

«Коллега» смотрел на меня пристальным взглядом, и я поняла – если мне не удастся убедить его в том, что я действительно сотрудница прокуратуры, то у меня могут возникнуть серьезные неприятности.

– Понимаете, я совсем недавно устроилась в органы, опыта работы совсем нет. Надо собрать свидетельские показания, а никто со мной разговаривать не хочет! – Я попыталась вызвать к себе сочувствие. – Вы-то, надеюсь, не откажетесь ответить на мои вопросы?

– Ну куда же я денусь? Давайте ко мне зайдём, там и поговорим, – предложил сотрудник городской прокуратуры.

Откровенно говоря, я знала в лицо практически всех, кто работал в прокуратуре, а этого типа никогда там не видела. Может, он мне мозги парит? Ну, не спрашивать же у него удостоверение? У самой-то в сумке лежит «левак».

– Знаете, у меня совсем мало времени осталось, так что давайте здесь пообщаемся, – сказала я и заметила, что взгляд «коллеги» сразу потух. – Скажите, вы знаете Марию Кашинцеву?

– Фотомодель? Кто же ее не знает?

– Ну да, конечно... Глупый вопрос. А когда вы видели ее в последний раз?

– Да где-то недели три или четыре тому назад.

– При каких обстоятельствах?

– Мужчина лет тридцати выкатил ее из подъезда в инвалидном кресле, подвез к машине, к синему «Фиату Добло», взял на руки, пересадил в свое авто, затем сложил и загрузил в багажник кресло, после чего сел за руль и укатил в неизвестном направлении. Теперь в восемнадцатой квартире никто не живет.

– Вы уверены?

– Ну конечно, эта квартира как раз надо мной. Никто там теперь не топает, вещи не роняет и не кричит.

– А что, раньше часто кричали, шумели?

– Да, Маша и прежде была склонна к истерикам, а уж после аварии дня не проходило, чтобы она не рыдала в голос или не била посуду.

– Кому же она такие истерики закатывала? – поинтересовалась я.

– Сначала своей матери, та приехала из деревни, чтобы ухаживать за дочерью, пока та в гипсе ходила, но пробыла она здесь всего лишь около недели и уехала обратно. Затем появилась другая женщина, моя супруга поинтересовалась у нее, кем она Кашинцевой приходится. Та сказала, что она просто сиделка, устроилась на работу по объявлению. Но и она долго здесь не продержалась. А может, Маше уже не нужен был постоянный уход, потому что гипс сняли и она могла самостоятельно передвигаться. Жена говорила, что несколько раз видела, как около нашего подъезда останавливалась машина, на которой развозят пиццу и суши. Вероятно, Кашинцева только этими продуктами и питалась. А затем к ней стал какой-то мужчина захаживать...

– Тот самый, что позже куда-то увез Машу? – уточнила я.

– Вероятно, хотя точно утверждать не могу. Я просто услышал на ее балконе мужской голос.

– Вы номер этого «Фиата Добло» случайно не запомнили?

– Нет, он так стоял, что номеров не видно было, а специально я не приглядывался. Не думал, что это может понадобиться.

– Как Маша выглядела? – продолжала я выпытывать. – Ее лицо действительно сильно пострадало в аварии?

– Я ничего толком не разглядел. На голове у нее было низко надвинутый капюшон, темные очки на пол-лица, шарф вокруг шеи замотан. Думаю, если она так закуталась, значит, было что скрывать. Погодите, но вы ведь сказали, что занимаетесь расследованием дорожно-транспортного происшествия, в которое угодила Кашинцева? А эти вопросы свидетельствуют о том, что ваш интерес – совсем иного рода? – И мой собеседник лукаво прищурился.

– Вы правы, наверное, я несколько вышла за профессиональные рамки, – призналась я. – Просто мне чисто по-женски интересно, как она справляется со своим несчастьем?

– Знаете что, коллега, в нашем деле надо уметь отстраняться от чужого горя и держать свои чувства и эмоции под контролем.

– Не могу с вами не согласиться. Это будет мне уроком. Спасибо вам за информацию. До свидания, – сказала я и, не дожидаясь каких-либо вопросов, развернулась и пошла прочь.

В «Ситроен» я села, только убедившись, что «коллега» не смотрит мне вслед. Мало ли что...

Итак, примерно в то самое время, когда в Доме быта на Обуховской стали происходить эти трагические случайности, Мария уже более или менее оклемалась и впустила в свою жизнь неизвестного мужчину. Он стал частенько к ней навещать, а затем просто-напросто взял и куда-то увез ее. Может, к себе, а может, на конспиративную квартиру, где они вместе и планируют месть сотрудникам Дома быта?

Жалко, что мой «коллега» не запомнил номер «Фиата». А что, если поискать Кашинцеву по сигналу ее мобильного?

Приехав домой, я позвонила Корниловой, рассказала ей о том, что Мария переехала, и поинтересовалась номером ее мобильного телефона. Ольга Николаевна продиктовала мне его, только это не дало никаких результатов. Я названивала по нему весь вечер, но он все время был отключен. Если Кашинцева поменяла симку, то найти ее будет сложнее. В родную Багаевку она вряд ли вернулась – с матерью, похоже, она вдрызг разругалась. Во всяком случае, у соседа снизу возникло именно такое впечатление. За что еще мне зацепиться, дабы продолжить поиски, я не знала. Хотя... я вспомнила о навязчивом фотографe: он ведь работал с моделью. Возможно, он что-нибудь ненароком мне и подскажет. Например, сообщит, у кого из Машинных поклонников имеется синий «Фиат Добло».

Глава 4

Подъезжая утром к Дому бытовых услуг, я заметила карету «Скорой помощи», стоявшую у входа в салон красоты «Пальмира», и поняла, что полоса спокойствия была временной и продлилась недолго. Люди, работающие в этом здании, еще не успели перевести дух после последнего происшествия, как уже произошло что-то новое. Неужели пострадала моя клиентка, а по совместительству – «тетушка»?

Зарулив на парковку, я выскочила из «Ситроена» и побежала в салон.

– Таня! – окликнула меня Бережковская из толпы сотрудников, провожавших взглядами «неотложку». – Я здесь!

Выглядела Наталья Петровна очень странно. Со вчерашнего дня она постарела лет на десять. Подойдя поближе, я поняла, что на ее лице совершенно нет косметики. Конечно, обычно она перебарщивала с макияжем, но отсутствие оно было ей совсем уж противопоказано.

– Что случилось, тетя Наташа? – тревожно осведомилась я.

– Я, мои сотрудники и клиенты отравились каким-то газом! Татьяну Анненкову даже увезли на «Скорой»!

– Как это произошло?

– Я все расскажу, но не здесь. – Бережковская промокнула бумажным платочком слезившиеся глаза. – Поднимайся в ателье, как только улажу все формальности, я приду и все вам с Олей расскажу.

– Ну ладно. – Я не стала ни на чем настаивать, но входить в здание отнюдь не спешила. Отойдя в сторонку, я прислушалась к людским разговорам.

– Ужас! Кошмар! Когда же все это кончится?!

– Кто будет следующим?..

– Неужели и в этот раз милиция все спустит на тормозах?!

– Не милиция, а уже полиция, – поправила какая-то женщина. – Лично я больше рисковать своей жизнью не собираюсь, у меня двое детей, поэтому я сегодня же напишу заявление об увольнении. А ты?

– Нет, я не для того так долго после сокращения искала работу, чтобы снова ее потерять.

– Интересно, эта девочка выживет?

– Врач сказал, что угрозы для жизни нет, а вот ослепнуть она может.

– Жалко, такая молодая...

– Да, мне тоже Татьяну жалко, я у нее несколько раз стриглась. У нее такая рука легкая была...

– Что значит – «была»?! Лариса, ты зачем ее раньше времени хоронишь?

– Соня, да не привязывайся ты к словам! И вообще, я пошла к себе, на третий этаж.

Народ потихоньку начал расходиться. Никакой конкретики я так и не услышала, только прониклась эмоциями толпы.

– Таня, здравствуй! – У центрального входа нарисовался Кузьмин. – А что здесь происходит? Я подъезжаю и смотрю – народ суетится. По какому поводу собрание?

– Я сама толком ничего не знаю. Вроде бы в «Пальмире» кто-то газ распылил, одну парикмахершу увезли на «Скорой».

– Да ты что! Вот несчастье-то!

– Да, и, как я слышала, уже не первое в этом здании.

– Тебя уже просветили, да? – спросил Илья, глядя на меня снизу вверх.

– Не без этого. Странно все это как-то – три жертвы за один месяц, а могло быть и больше... Говорят, моя начальница в горящем лифте застряла?..

– Правда? Так это была она? Я не знал, с кем именно эта беда случилась. Да, не повезло женщине...

– Еще как!

– Таня, а хочешь, я скажу, что я об этом думаю? – Кузьмин поднялся на одну ступеньку, и наши глаза оказались на одном уровне.

– Ну и что же ты об этом думаешь?

– А ничего особенного здесь не происходит! Это все – отражение нашей действительности, – высказался фотограф.

– В смысле?

Илья поднялся еще на одну ступеньку и оказался выше меня:

– Ну представь, что этот Дом быта – отдельное государство, в котором происходят те же процессы, что и в той или иной стране. Люди рождаются, женятся, умирают, иногда и преждевременно... Вот скажи, ты новостные передачи по телевизору смотришь?

– Смотрю. Иногда.

– А ты обращала внимание, что там каждый день о каких-нибудь катаклизмах говорят?

– В принципе обращала.

– Ну вот, каждый день что-нибудь где-нибудь случается – то самолет разобьется, то ураган пронесется, все сметая на своем пути, то дом рухнет... А здесь у нас свои ЧП – старая проводка оголилась, лифт сломался, маньяк с газовым баллончиком забрел... Так есть, и так будет. Если сегодня день прошел без эксцессов, то ждите их завтра.

– Интересная теория, хоть и пессимистичная.

– Какая есть, – парировал Кузьмин. – А у тебя другая имеется?

– Нет, у меня пока нет никаких теорий. Слушай, Илья, я бы еще с тобой поболтала, но мне надо на работе засветиться.

– Не проблема, давай часа через два в кафе встретимся, – предложил фотограф.

– Нет, лучше через три.

– О'кей. – Кузьмин отправился в свое агентство, а я подошла к лифту.

За всеми этими разговорами я, конечно же, сильно опоздала к началу рабочего дня. В приемной почему-то никого не было, а вот Елена Федоровна сидела за своим столом.

– Доброе утро! – сказала я и начала расстегивать плащ.

– Не такое уж оно и доброе. Как ваша тетушка? Не очень сильно пострадала?

– Не сильно. А вы, значит, уже в курсе, что произошло в «Пальмире»?

– В общих чертах. Но вы-то, наверное, лучше меня осведомлены?

– С чего это вы взяли? – удивилась я.

– Ну как же? Мы с вами практически одновременно припарковались, только я вошла в этот кабинет на сорок пять минут раньше вас. – Главбухша откровенно намекнула на мое опоздание. – Значит, вы все это время общались со своей родственницей. Нет, я вас не осуждаю. Если бы с моей теткой такое случилось, я бы о работе тоже забыла. Кстати, а что насчет договора с ООО «Палитра»? Корнилова его подписала?

– Пока нет.

– Жаль. Пока у нас есть деньги на счету, можно было бы сделать первый платеж. По моему, не стоит затягивать с этим, – высказалась Корзун и уткнулась в монитор своего компьютера.

Мне показалось странным, что она проявила такую заинтересованность в скорейшем подписании договора на поставку бортовой и клеевой ткани. Директор ателье не считала этот вопрос срочным, а вот главный бухгалтер почему-то засуетилась. Что-то здесь нечисто! Или я слишком мнительная?

Вскоре Ольга Николаевна вызвала меня по телефону к себе. Я, конечно же, догадывалась, что речь пойдет об очередном происшествии в этом здании, но на всякий случай прихватила с

собой договор с «Палитрой». В кабинете моей начальницы уже сидела Бережковская. Она все еще была не накрашена и поэтому казалась безликой, как бледная моль.

– Оля мне рассказала, что эта стерва, – говорила Наталья Петровна, нервно разукрашивая маркером лицо на обложке глянцевого журнала, – поменяла пароли и явки! С квартиры съехала, на телефонные звонки не отвечает! Это доказывает ее вину! Кашинцева определенно решила меня добить! Она ведь врезалась в маршрутную «Газель» в тот самый день, когда устроила у нас скандал. Трюк с маслом не удался, так Машка пустила в ход газы! Креативная девочка...

– Да, вот насчет газов я хотела узнать поподробнее. Как именно все произошло? – спросила я.

– Да, Наташа, и мне это тоже очень интересно. Не тяни резину, пожалуйста!

– Да разве ж я тяну? Я просто ждала, когда Татьяна Александровна подойдет, чтобы несколько раз одно и то же не повторять. В общем, мы сами толком не поняли, как все случилось...

– Вот тебе раз! – всплеснула руками Корнилова.

– Оля, не возмущайся. То, что произошло у меня сегодня в салоне, вообще не поддается никакому объяснению. Просто мистика какая-то! Коперфильд вместе с Кио отдыхают!

– И все-таки, Наташа, что и как там было?

– День сегодня начался, как обычно. – Бережковская продолжала нас интриговать, начав издалека: – Как говорится, ничто не предвещало грозы. В половине девятого к Тане пришла клиентка, села в кресло. Она торопилась, поэтому не захотела мыть голову. Анненкова взяла пульверизатор с водой, чтобы обрызгать ее волосы, но там почему-то оказалась не чистая вода, а черт знает что! Таня прочихалась и еще раз нажала на свою брызгалку. После этого уже у всех, кто находился в том зале, заслезились глаза, кроме, пожалуй, самой клиентки. Но та призналась, что у нее сезонное обострение аллергии, поэтому она с утра выпила какой-то антигистаминный препарат. На крики персонала все сбежались в зал – маникюрша, педикюрша, ну, и я, разумеется. Как вы понимаете, все мы «схватили» свою дозу. Анненкова – больше всех, мне даже пришлось вызвать для нее «Скорую помощь». А еще я позвонила в полицию.

– Наташа, а может, не стоило этого делать? – всполошилась Корнилова. – Разве мы зря обратились к услугам Татьяны Александровны?

– Оля, пойми, все ждали от меня такого шага! Не могла же я уведомить народ, что расследованием всех этих ЧП уже занимается частная сыщица? Мне пришлось бы тогда спалить свою «племянницу»! Честно говоря, я не больно-то надеюсь, что милиция, точнее, теперь уже полиция, сумеет быстро во всем разобраться. Пульверизатор они, конечно, изъяли, взяли у нас письменные показания, с тем и уехали.

– Так быстро? – удивилась Ольга Николаевна.

– Оля, а ты думала, они весь день будут нами заниматься? – Бережковская повернулась к ней, вздохнула и призналась: – Вообще-то я сама именно так и думала, но мне отчетливо дали понять, что у них есть дела поважнее – убийства, изнасилования, кражи на несколько миллионов... А то, что произошло у нас, это так, едва ли не детская шалость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.